

Он решил проверить, как поживает Хо Линьфэн, и вместе поесть, чтобы отблагодарить его за жареного кролика в чаньском дворе. С этими мыслями он взял коробку с едой, спустился с веранды и вышел из Безымянной обители до наступления темноты.

Дойдя до Зала Цяньцзи, он вспомнил, что это уже второй раз, когда он направляется в Бамбуковый сад.

Первый раз был на похоронах Сюй Чжэна, где он лично разбирал его вещи.

Сад, заброшенный целый год, сильно изменился. Жун Лоюнь, войдя внутрь, не мог оторвать глаз от красоты, и лишь через мгновение вошёл в бамбуковый домик. Скрип бамбуковой лестницы сопровождался глухими стонами, казалось, Хо Линьфэн очнулся.

Поднявшись на второй этаж, он подошёл к двери спальни:

— Ду Чжун, я принёс немного еды...

Жун Лоюнь вдруг запнулся. За тонкой занавеской он увидел, как тело Хо Линьфэна корчится, а стоны превратились в рычание. Опомнившись, он бросился к кровати, но прежде чем успел откинуть занавеску, Хо Линьфэн с силой сорвал её.

— Ду Чжун? — он раздвинул колыхающуюся ткань, торопливо глядя на лицо мужчины. — Ду Чжун, как ты себя чувствуешь?

Холодное лицо Хо Линьфэна было пылающе красным, краснота распространялась до ушей, шеи и груди, будто сжигая его изнутри. Глаза были мутными, в ушах звенело, голос стал хриплым:

— Мне плохо, я горю...

Жун Лоюнь встревожился. Неужели действие лекарства оказалось слишком сильным? Не раздумывая, он нашёл полотенце и начал вытирать лицо мужчины, приговаривая:

— Всё будет хорошо, скоро пройдёт, и ты окрепнешь.

Снова раздался скрип, и Ду Чжэн принёс свежей горной воды, холодной, как лёд. Он был напуган, ведь его господину не стало лучше, а только хуже. У двери он увидел Жун Лоюня и крикнул:

— Ты зачем здесь?!

Жун Лоюнь, никогда не слышавший такого крика в свой адрес, замер:

— Я... я пришёл проведать его.

Ду Чжэн закричал:

— Как ты смеешь смотреть на него? Что за лекарство ты дал?!

Жун Лоюнь хотел ответить, но его прервал низкий стон Хо Линьфэна, звучащий крайне мучительно. Только что он жаловался на жар, а теперь дрожал, кутаясь в одеяло и сворачиваясь в клубок.

Что же происходит... Жун Лоюнь подошёл ближе:

— Ду Чжун, Ду Чжун?

Хо Линьфэн смотрел на него расфокусированным взглядом, чувствуя лишь холод, сильный холод.

Жар сменялся холодом, холод пронзал до костей, словно он оказался в ледяной пещере, а жар обжигал, как угли, выжигая кожу. В этих мучениях он был слаб и растерян, и его глаза, лишённые былой твёрдости, говорили сами за себя.

Жун Лоюнь сжался внутри, его сердце сжалось от жалости к этому измученному зверю, и он запаниковал. Поднявшись, он потрогал щеку Хо Линьфэна — она была обжигающе горячей. Сжав руку в кулак, он выбежал из комнаты.

Жун Лоюнь выбежал из Зала Цяньцзи и, не останавливаясь, побежал по узкой улочке, сталкиваясь с учениками. Он кричал, будто у него загорелись брови:

— Старший брат! Старший брат!

Наконец он ворвался в Обитель Цзуйчэнь.

Дуань Хуайкэ вышел на звук:

— Что случилось? Почему ты так спешишь?

Жун Лоюнь остановился, тяжело дыша:

— Старший брат, Ду Чжун сильно болен, пойдём скорее в Зал Цяньцзи.

Он даже не стал ждать согласия, увлекая за собой Дуань Хуайкэ, как капризный ребёнок.

Когда они вернулись в Бамбуковый сад, Хо Линьфэн снова начал гореть, его верхняя часть тела была обнажена, и он извивался, как зверь, но не мог избавиться от жара.

Дуань Хуайкэ приказал:

— Держите его, я проверю пульс.

Но как можно было удержать генерала Хо, чья сила сметала тысячи всадников? Одним движением руки он отбросил Ду Чжэна к стене. Жун Лоюнь, неспособный использовать свои силы, попытался удержать Хо Линьфэна, обхватив его сбоку.

В тот момент Хо Линьфэн резко выдохнул и успокоился.

Жун Лоюнь же замер, как камень, его шея горела от прикосновения тонких губ Хо Линьфэна. Этого было недостаточно, и Хо Линьфэн прижал всё лицо к его шее и за ухом. Жар, распространявшийся по телу, словно мучил и его самого.

Он застыл, как будто его заколдовали, рука, обнимающая Хо Линьфэна, сжалась в кулак, пытаясь раздавить смущение.

В этот момент Дуань Хуайкэ сказал:

— Пульс крайне беспорядочный. У него была простуда, вызвавшая сильный жар, но внутри него появилась какая-то дикая сила. Теперь холод застрял внутри, а злой огонь охватил тело,

неудивительно, что он так страдает.

Жун Лоюнь удивился:

— Это простуда? А не слабость?

Дуань Хуайкэ спросил Ду Чжэна:

— Что он ел после того, как простудился?

Ду Чжэн раздражённо ответил:

— Ничего, только выпил лекарство, которое дал второй господин.

Все взгляды устремились на Жун Лоюня, и он смущённо признался:

— Это был я, я ошибся.

Неважно, были ли его намерения добрыми, он всё испортил.

— Я думал, что он слаб, что его жизненная сила повреждена, и попросил у матушки из Башни Чжаоому укрепляющее лекарство...

Дуань Хуайкэ поднял бровь:

— Ты слишком много на себя берёшь.

Ду Чжэн вытаращил глаза:

— Ты с ума сошёл! Мой брат не такой развратный, как ты, его жизненная сила не нуждается в твоих заботах!

Жун Лоюнь снова удивился:

— Невинный?

Он опустил взгляд на Хо Линьфэна, с его влажными висками, выступающими венами на руках, плоским животом и длинными ногами... Это высокое тело было невинным?

— Люблю нежные объятия, следы облаков и дождя, милые девушки утешают меня в долгие ночи...

Он помнил эти слова Хо Линьфэна. Неужели это была ложь?

А как же его любимая Баоло? Неужели и это неправда?

Тем временем Дуань Хуайкэ выписал лекарство и велел Ду Чжэну отправиться за ним. Уходя, он предупредил:

— Нет лекарства, которое действует мгновенно, ночь будет тяжёлой, позаботься о нём.

Ду Чжэн поблагодарил и, проводив Дуань Хуайкэ, повернулся с другим выражением лица.

— И ты уходи, пошёл вон!

Он был трусливым слугой, но его преданность могла сдвинуть горы.

— Мне всё равно, принц ты или принцесса, если ты снова будешь мучить моего брата, я с тобой разделаюсь!

Жун Лоюнь, чувствуя свою вину, молча снёс это. Он наклонился, чтобы уложить Хо Линьфэна, но тот, как голодный тигр, схватил его. Он крикнул, чувствуя, как кости болят от крепкого объятия, а Хо Линьфэн повторял ему в ухо:

— Не уходи... не уходи...

Чем больше он пытался вырваться, тем крепче его держали, и эта тесная близость вызывала смущение. Но он нашёл оправдание:

— Твой брат не хочет, чтобы я уходил.

Ду Чжэн вздохнул и побежал вниз за лекарством.

Луна поднялась над ивами, свет ламп окрасил бамбуковую кровать в красный цвет, а шёлковые подушки и одеяло стали красными. Жун Лоюнь сбросил туфли, расслабился и позволил Хо Линьфэну держать его. Может быть, так не стоило делать, но он пробормотал:

— Это я отплачиваю за твою помощь.

Хо Линьфэн не обращал на это внимания, он сжимал его, тёрся о него, перекатываясь по кровати, прижимая его к себе. Жун Лоюнь крепко закрыл глаза, его шея и уши были покрыты следами тонких губ и острых зубов, красными и влажными.

Внезапно Хо Линьфэн снова почувствовал холод, его стоны напоминали вой волка. Он стал ещё настойчивее, обнимая Жун Лоюня, как толстая лоза тонкую ветку, используя руки и ноги, словно хотел его съесть.

Жун Лоюнь был в полубморочном состоянии, беззвучно прошептал:

— Полегче...

Хо Линьфэн пробормотал:

— Маленькая лисичка... не убегай...

Свеча трещала, освещая кровать, где бушевали страсти, ветер закрыл бамбуковое окно, скрывая любопытные взгляды птиц. Эта ночь была невероятно тяжёлой, жар и холод сменяли друг друга без конца, но к концу боль постепенно ослабла, а руки, обнимающие его, не ослабили хватку.

В носу витал лёгкий аромат, Хо Линьфэн изо всех сил вдыхал запах орхидеи.

В его сердце бушевал огонь, и он тревожно мечтал о горах и облаках.

На рассвете ученики Зала Цяньцзи начали тренироваться, и снаружи было шумно. Жун Лоюнь открыл глаза, огляделся и остановил взгляд на лице рядом. Он потрогал лоб Хо Линьфэна — он был слегка прохладным, зло ушло.

Он тихо встал с кровати, надел туфли и ушёл.

Тихо покинув спальню, он спустился по скрипучей лестнице, вышел из Бамбукового сада и, обойдя Зал Цяньцзи, свернул на узкую улочку, наконец расслабившись. Будучи господином, он провёл всю ночь в доме ученика, не только спал в спальне, но и делил кровать.

Жун Лоюнь в панике бежал, как дым, обратно в Безымянную обитель.

Уходя, он принял ванну и переоделся, вернувшись, снова принял ванну и переоделся, так как их тесный контакт заставил его спешить смыть запах Хо Линьфэна. После ванны он лёг на кушетку, держа книгу, но не мог прочитать ни слова.

Он взял лакированную коробку с медовыми сладостями, сушёными сливами и абрикосами, сахарными ягодами, выплюнул косточки на ладонь. Сладость была неприятной, он пошёл в зал за чаем и увидел, что Лу Чжунь подходит.

— Второй брат, — Лу Чжунь подошёл к крыльцу, держа что-то в руках, — Ду Чжун передал это тебе, я помог доставить.

Ручной фонарь с бамбуковой ручкой и воздушный змей «Ласточка». Жун Лоюнь спросил:

— Ду Чжун передал это мне?

Лу Чжунь ответил:

— Он сказал, что твой фонарь сломался, поэтому сделал тебе новый, и змей, наверное, тоже.

Он вспомнил:

— В тот день, когда ты уезжал в округ Ханьчжоу, он увидел, что тебя нет, и попросил меня передать.

Неожиданный и запоздалый подарок, Жун Лоюнь на мгновение замер.

<http://bllate.org/book/16167/1449268>